

ЗНАКОМСТВО СО СЛАДКИМ КАКТУСОМ

Независимая газета
та. - 1999 - 20 июля.
- с. 7

«Я уже могу рассказать о таком явлении, как нация эмигрантов», — говорит израильский режиссер Арик Каплун

На недавно прошедшем Международном кинофестивале в Карловых Варах картина израильского режиссера, эмигрировавшего еще из СССР двадцать лет назад, дебютанта в полнометражном кино Арика Каплуна, «Друзья Яны» получила сразу две награды — главную, «Хрустальный глобус», и приз за лучшую женскую роль, доставшийся Эвелине Каплун, жене Арика. Очаровательная мелодрама про эмигрантов из России как последней волны, так и прошлых лет, сде-

ланная с юмором, самоиронией, в меру сентиментальная и ностальгическая. Картина должна была участвовать в конкурсе Московского фестиваля, однако режиссер по разным причинам предпочел Карловы Вары. Как оказалось, не зря. Сегодня «Друзья Яны» открывается внеконкурсная программа «Панорама» и Режиссерская неделя. А с Ариком Каплуном мы беседуем прежде всего о том, что такое израильское кино, практически неизвестное в России.

ходили русские израильтяне, эмигранты и говорили: «Ребята, ну что вы везете фильм со своими специфическими израильскими проблемами? Кому это интересно? Кто там поймет, что там происходит, что за война в Персидском заливе?» Мы даже хотели быстренько издать брошюру, где бы объясняли, что там происходит, что за война имеется в виду в Персидском заливе и т. п.

— Вы думали, что едете к идиотам?

— Побойтесь Бога! Повторяю, просто я слишком давно уехал из России и теперь понимаю, что совершенно ее нынешнюю не

Екатерина Барабаш

- АРИК, как получилось, что вы оказались в конкурсе не Московского фестиваля, как предполагалось, а Карловарского?

— На Московский фестиваль меня порекомендовал один израильский журналист, отборочная комиссия запросила фильм в Москву. Но по странному недоразумению кассета шла в Москву невероятное количество времени, больше трех недель. Стало ясно, что вовремя она не дойдет, поэтому я согласился представить фильм на конкурс в Карловых Варах. А когда она дошла до Москвы, было действительно уже поздно, и хотя меня просили отозвать фильм из Карловых Вар, я не стал этого делать из этических соображений. Тогда было решено открыть моей картиной внеконкурсную программу «Панорама» и Режиссерскую неделю.

— Российский зритель, к сожалению, мало знаком с израильским кинематографом. Даже, можно сказать, что совсем не знаком, если не считать демонстрировавшийся по телевидению фильм «Кофе с лимоном» Леонида Горовца — думается, не самой удачной работой израильского кино.

— Ну это, конечно, не все. В Израиле производится в год от 8 до 14 картин. Если посчитать, сколько приходится фильмов на душу населения (а население — около 5 миллионов), то Израиль вполне может считаться кинодержавой.

— Ваша картина рассказывает об эмигрантах из России. Что это — конъюнктура, ясно же, что тема выигрышная, либо дань ностальгии?

— Раньше тема эмиграции мало присутствовала в израильском кино по той простой причине, что Израиль — страна, которой только 50 лет. И чтобы говорить об эмиграции, в данном случае режиссеру, надо какое-то количество времени, надо почувствовать себя израильтянином. Иначе ты не сможешь сделать что-то более или менее объективное.

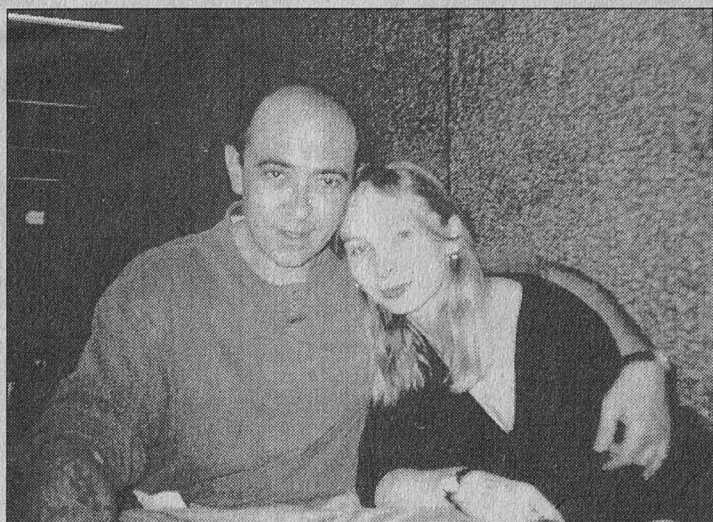
— «Кофе с лимоном» был сделан человеком, который еще слишком мало прожил в Израиле, поэтому, вы считаете картину неудачной?

— Горовец прожил в Израиле всего четыре года, поэтому, несмотря на то что во многом этот фильм сделан очень качественно, там слишком мало точек отождествления с самой темой, с персонажами. Как мне кажется, фильм понятан только актерам-эмигрантам, которые приехали в Израиль и пытаются найти себя в нем. Возможно, он и не пытался сделать чего-то большого, он просто хотел сказать о том, что для него самого важно и больно.

— Можно ли это считать одной из бед молодого израильского кинематографа, многие представители которого — эмигранты: приходить в кино со своей болью, не утихшей после эмиграции, и поэтому нет выхода на более глубокие проблемы, на более высокий уровень?

— Думаю, что да. Если бы тот же Горовец остался в Израиле (а он уже уехал), то сейчас его картина прозвучала бы совершенно иначе. Просто он не успел стать израильтянином. Что касается меня, то идея сделать фильм об эмигрантах из России пришла ко мне, еще когда я только приехал в Израиль, двадцать лет назад. Это ведь очень интересно: суперэкстремальная ситуация, колоссальный шок. Но когда я пробовал писать сценарий, а потом перечитывать, что написал, то понимал: все мои переживания, моя боль, моя ностальгия — все это не было бы понятно аудитории, это слишком мое. Потом я уехал жить в Америку, а когда вернулся через несколько лет, вдруг увидел, что за это время в Израиле появилось порядка миллиона эмигрантов, из них, наверное, подавляющая часть — из России. У меня сразу поменялся круг общения. Если раньше это были коренные израильтяне, англоязычные эмигранты, то теперь меня окружали люди из России, и я понял: пришло время наконец делать этот фильм, потому что, помимо своих собственных переживаний, я уже могу рассказать о таком явлении, как «нация эмигрантов».

— Судя по всему, ваша судьба,

Арик Каплун с женой Эвелиной, обладательницей приза за лучшую женскую роль в Карловых Варах. Фото автора

по крайней мере отныне, складывается вполне удачно. Можно считать, что вы нашли и застолбили свою нишу не только в израильском кинематографе, но и вышли на мировой уровень — победа в Карловых Варах, приглашение на Московский фестиваль. Но в Израиль приезжает много талантливых художников, в том числе и из России, которые через какое-то время возвращаются, — вернулись Валентин Никулин, Михаил Козаков. Возможно, Израиль слишком особая страна и, помимо таланта художника, нужно что-то еще, чтобы стать тем, кем ты рассчитывал стать, уезжая?

— Израиль — совершенно непредсказуемая страна. Чтобы остаться там, нужно иметь способность принять, понять и полюбить ее, почувствовать, что это твое. Если этого не происходит, ты там никогда не удержишься — это не Швейцария, не Америка. Когда я ехал в Израиль, я думал, что еду в страну евреев, а приехал в страну израильтян. Нужно перепереть этот период, который у многих занимает несколько лет, чтобы понять: израильтяне — те же самые евреи, у нас общие корни, общая история. На израильском сленге израильтян зовут «сабры». Сабра — это кактус, его плоды необыкновенно сочные и вкусны, но покрыты жуткими колючками. Существует специальная технология, как открыть этот плод, чтобы насладиться внутренностями. Это как олицетворение Израиля — нужно много времени, сил и терпения, чтобы почувствовать всю прелесть этой страны.

— Помните, вы как-то оговорились, что на вашу картину в России, как вы выразились, будут «цыкать». Кто? Антисемиты?

— Бог с вами, какие антисемиты. Я о них не думаю. Я давно не был в России и в основном сужу о ней по тем людям, которые приезжают в Израиль. У меня сложилось ощущение, что люди в России в силу разных причин, наверное, в первую очередь экономических, страшно обозлены, раздражены, озлоблены. И тот уровень наивности, сентиментальности, что есть в картине, боюсь, может людей разозлить. Мол, у нас проблем невпроворот, а ты приехал говорить о каких-то сентиментальных вещах, о любви. Может быть, это сейчас России не нужно, может, мой фильм воспримут как некий рудиментарный орган?

— Не лукавите ли? Кому, как не вам, прожившему полжизни в России, не знать, насколько мы сентиментальны? К тому же не мне вам объяснять, что даже в самые трудные времена (и в трудные — прежде всего) люди гораздо сильнее тянутся к наивному и светлому, нежели к черному и тягостному. Не зря такой популярностью у нас пользуются мыльные оперы.

— Возможно, я ошибаюсь. Но я же сужу в первую очередь по тому, что вижу по вашему телевидению, вижу это количество трупов, чернухи. И у меня ощущение, что сейчас расчувствовать кого-либо в России трудно. Дай Бог, если я ошибаюсь и мою картину примут. Когда мы ехали в Карловы Вары на фестиваль — мало того что мы и помыслить себе не могли, что получим главную награду да еще приз за лучшую женскую роль, но мы просто боялись, что фильм не примут вообще. Еще там к нам под-

представляю. После эмиграции в Израиль и смерти моей бабушки тот прием, который нам оказали в Карловых Варах, был самым сильным потрясением в моей жизни. Я страшно боялся, что специфика места может нейтрализовать общечеловеческую тему, которую я попытался поднять в «Друзья Яны». Думаю, что дело в опыте. Бабель в своей автобиографии рассказывает, как после успеха двух его первых опубликованных рассказов он пошел к Горькому. Тот прочитал рассказы и сказал: «Все, что вы пишете, это замечательно и талантливо, но все это пока просто угадано. Так что вам надо пойти и поучиться». Вот и мне тоже надо еще поучиться. А учиться — это значит просчитывать реакцию аудитории и потом сверять с тем, что ты предполагал.

— В Израиле очень сильные позиции религии, иудаизма. В вашей же картине нет даже намека на религию. Вы сочли, что это лишнее?

— Позиции религии в Израиле действительно сильные, но сказать, что государство зиждется на религии, нельзя хотя бы потому, что количество людей верующих и неверующих соотносится примерно пятьдесят на пятьдесят. Я сам — человек нерелигиозный, хотя мне интересны традиции и обряды, и, может, поскольку «Друзья Яны» — картина все же глубоко личная, в ней действительно совсем нет иудаизма. Но мне тут попала книга «Антология еврейского юмора», и я понял, что в любом еврейском анекдоте есть очень много от иудаизма. И для меня было бы большим комплиментом, если бы в «Друзьях Яны» увидели бы эти корни еврейского юмора.

— Израильское кино еще совсем молодое. Можно ли сказать, что у него уже есть определенная специфика?

— Лет пять назад в израильском кинематографе была очень популярна тема «война и мир», была распространена тематика противостояния религии и светского общества, очень любили одно время у нас снимать про гомосексуалистов и лесбиянок. Потом это всем надоело, надоело смотреть, как израильтянин влюбляется в арабку, или как юноша из семьи талмудистов уходит в большой мир и открывает для себя горизонты, или как в хорошей польской еврейской семье мальчик становится гомосексуалистом. Но эти темы уже стали штампами нашего кино, людям надоело, надо было создавать что-то новое, более общечеловеческое, понятное и за пределами Израиля. На сегодняшний день израильский кинематограф, как сам Израиль. Идете по одной части города — видите чисто восточный колорит, идете по другой части — чисто европейская часть, можете попасть в типично русскую часть. Таковы и фильмы. Есть попытки сделать европейское кино, есть попытки сделать русское кино. Есть израильское кино, которое пользуется успехом, но как 10–15 лет назад рано было бы говорить о том, что такое израильтянин, так и сейчас рано говорить о феномене израильского кино. Но перспективы я вижу.

— За счет уже имеющихся «кадров» или вы все же рассчитываете на приток эмиграции?

— И то, и другое. Талантливые люди не перестают приезжать. ■